

Андреева А. Д. Особенности семейной среды ребенка в постиндустриальном обществе / А. Д. Андреева // Научный диалог. — 2018. — № 7. — С. 292—307. — DOI: 10.24224/2227-1295-2018-7-292-307.

Andreyeva, T. S. (2018). Features of Family Environment of a Child in Post-Industrial Society. *Nauchnyy dialog*, 7: 292-307. DOI: 10.24224/2227-1295-2018-7-292-307. (In Russ.).

Журнал включен в Перечень ВАК

УДК 37.018.1+159.9+008:392.18

DOI: 10.24224/2227-1295-2018-7-292-307

Особенности семейной среды ребенка в постиндустриальном обществе¹

© Андреева Алла Дамировна (2018), orcid.org/0000-0002-1253-8903, SPIN-code 4942-5499, кандидат психологических наук, заведующий лабораторией научных основ детской практической психологии, Психологический институт Российской академии образования (Москва, Россия), alladamirovna@yandex.ru.

Анализируется проблема трансформаций, которые претерпевает семейная среда в странах постиндустриальной экономики. В качестве наиболее значимых выделены изменения, связанные с уменьшением количественного и поколенческого состава семьи, ослаблением идеи детоцентризма, поиском новых моделей активного родительства, медленным взрослением детей в комфортных условиях современной семейной среды. Подчеркивается социально-эволюционная природа изменений семейного стандарта, определяемого уровнем экономического, социального и культурного развития общества. Показано, что новая социальная ситуация родительства обусловлена кардинальными изменениями всей архитектуры социально-экономических отношений в постиндустриальном обществе. Она характеризуется двумя основными тенденциями: ростом числа профессионально незанятых молодых женщин, стремящихся к самореализации в сфере родительства, и активной заботой семьи о будущем ребенка в обществе высокой конкуренции. Выделены риски личностного развития детей, связанные с реализацией модели активного родительства: снижение инициативности, ответственности и самостоятельности современных подростков и юношей. Выдвинуто предположение, что активное родительство оказывает влияние на состав семейной среды, определяемой теперь уже не только родственными связями и отношениями, но и идейной близостью ее членов. Реальные и сетевые родительские сообщества не только расширяют среду современной семьи, но и отработывают вариативные модели родительства, заполняющие пустующую нишу социального норматива семейного воспитания.

Ключевые слова: семейная среда; активное родительство; самореализация; личностное развитие; взросление; родительские сообщества.

1 Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ. Проект № 17-06-00036 «Образ детства у современных родителей как фактор выбора формы обучения ребенка»

1. Структура современной семьи

Общество остро переживает ощутимые изменения традиционного уклада семейной жизни, связывая их со структурными преобразованиями всей социально-экономической сферы постсоветского периода, с трудной и нестабильной историей нашей страны. Между тем аналогичные трансформации претерпевает семейная среда и в других странах постиндустриальной экономики. Глобальность этих процессов свидетельствует об их социально-эволюционной природе, слабо поддающейся локальным мерам поддержки семьи и детства.

Демографические процессы большинства современных экономически развитых стран характеризуются заметным снижением рождаемости и стремительным старением населения. Данная проблема, обострившаяся и ставшая очевидной в XX столетии, возникла значительно раньше: по данным социологических исследований, примерно 250 лет назад началось отчетливое снижение рождаемости в странах Европы [Антонов и др., 2006]. Процесс депопуляции населения имеет свои причины и собственную историю, а интенсификация всех социальных процессов, связанная с бурным научно-техническим прогрессом, просто ускорила уж зародившуюся, но не достигавшую критического уровня тенденцию.

На протяжении веков низкий уровень социального, экономического и технического развития, высокая детская смертность, небольшая продолжительность жизни делали многодетную семью условием ее выживания. Каждый новый ребенок рассматривался как потенциальный работник и кормилец родителей в старости, рождалось столько детей, сколько получалось, бездетная же семья считалась несчастной и бедной. Совершенствование орудий труда позволяло постепенно освобождать детей от части их трудовых обязанностей, в результате чего, согласно концепции Д. Б. Эльконина, появилось детство. Дети из работников превращались в иждивенцев, небольшое количество которых семья уже могла позволить себе содержать. Удлинение детства улучшало качество жизни ребенка, что способствовало росту выживаемости детей. Именно экономическая целесообразность запустила действие сначала почти незаметного процесса снижения рождаемости. О социально-экономической основе депопуляции свидетельствует и появление внешних регуляторов демографических процессов, таких как религиозные запреты и ограничения на внебрачные связи, на сексуальные отношения в периоды постов.

Число детей в семьях постепенно уменьшалось, однако на протяжении веков рождаемость устойчиво превышала смертность, что было связано с традициями семейного уклада и крайне низким уровнем представлений

населения о более или менее цивилизованных способах контрацепции. Научно-технический прогресс привел к резкому повышению жизненного стандарта, росту уровня жизни населения и, соответственно, требований социума к содержанию и воспитанию детей. Именно с этим социологи связывают так называемый первый демографический переход, когда вместе с осознанием ценности детства пришло стремление родителей создать своим детям наилучшие условия для роста, развития и обучения, что весьма затруднительно в многодетной семье [Захаров, 2005]. Родители начали рассчитывать свои силы, оценивать, какое количество детей они смогут вырастить без видимого снижения уровня детской жизни.

Последняя треть XX столетия характеризуется вторым демографическим переходом, связанным уже с нежеланием взрослых снижать уровень собственной жизни в пользу рождения и воспитания детей [Захаров, 2005]. Сегодня исследователи говорят о заметном сдвиге семейных ценностей от детоцентричности к созданию психологически комфортных условий для всех членов семьи [Поливанова, 2015, Стрельник, 2015]. Расширение возможностей жизненного самоопределения женщин, вызванное бурным развитием новых технологий и появлением большого числа видов профессиональной деятельности, не имеющих традиционных гендерных ограничений, успешно конкурирует в сознании людей с потребностью в рождении и воспитании детей. Материнство утратило свои ведущие позиции в перечне ценностей социальных достижений женщины, уступив место иным формам самореализации. Более того, само состояние беременности перестало быть синонимом материнства. По данным психологических исследований, большинство женщин, принявших решение прервать беременность, относятся к этому без особых эмоций, многие испытывают чувство морального и физического облегчения [Кулешова, 2011].

Типичными для сегодняшних молодых взрослых стали так называемое «отложенное родительство» и малодетные семьи. Крайней формой доминирования в современной семье гедонистических ценностей стала идеология «childfree», то есть сознательный отказ от родительства в пользу тех жизненных преимуществ, которые имеют люди, не обремененные иждивенцами и соответствующими социальными обязательствами. В социальных сетях появилась агрессивная версия идеологии «childfree» — сообщество «детоненавистников» (child-haters), к которому себя причисляют люди, не только отказывающиеся от деторождения, но и жестко критикующие семьи с традиционными ценностями. Демографы признают, что попытки экономического (монетарного и сервисного) стимулирования рождаемости, предпринимавшиеся во многих странах, ощутимого успеха не приносят.

Уменьшение количества детей в семье постепенно привело к разрыву в практике прямой передачи опыта родительского поведения от поколения к поколению, из рук в руки. Одновременно растет и временной разрыв между собственным родительством и прародительством, то есть между рождением последнего ребенка и появлением первого внука. Это не только приводит к неизбежному разрушению личного опыта ухода за детьми, но и делает очевидными происходящие изменения социокультурного и медицинского стандарта воспитания детей. Новые требования жизни обесценивают родительский опыт старших поколений, делают его малопригодным для передачи собственным детям. Молодые родители остро нуждаются в конструировании новых моделей родительства, следование которым позволит подготовить детей к жизни в стремительно меняющемся мире.

Проведенное нами изучение психологического образа семьи и родительства у современных матерей [Андреева, 2016] позволило дать обобщенную характеристику семейной среды постиндустриального общества. Современная семья — это преимущественно полная нуклеарная малодетная семья, смысловым центром которой является уход за детьми и комфортная жизнь всех ее членов. По сравнению с 70—80-ми годами прошлого столетия средний возраст матерей первого ребенка вырос с 20—24 лет до 26—32 лет в зависимости от уровня социального и экономического благополучия общества. Детоцентричность постепенно уступает место идее естественного вставания ребенка в жизнь семьи, чему способствует развитие инфраструктуры сервиса, постоянно расширяющего «детские опции» в перечне услуг. Участие ребенка в семейном досуге становится комфортным для родителей, они все меньше нуждаются в помощниках и чувствуют себя все более независимыми от старшего поколения. Прародители находятся на периферии образа семьи, рассматриваются только как потенциальные помощники по уходу за детьми, но не как носители необходимых молодым родителям знаний и умений. Родительские практики прежних лет не только не актуальны, но и оцениваются как ошибочные, репрессивные и подавляющие, не отвечающие демократичному характеру психологической культуры современного общества. Молодые матери ориентируются на модели родительства, которые конструирует информационная среда, однако реализуемые ими стратегии имеют мозаичный характер, соединяя в себе элементы разных моделей. Наиболее привлекательными для них оказываются практики разумного и интенсивного родительства, сочетающие установки на следование за потребностями и возможностями ребенка с убежденностью в пользе и преимуществах раннего развития.

2. Родительство как форма социальной активности и самореализации

Кардинальные изменения всей архитектуры социально-экономических отношений в постиндустриальном обществе создали условия для возникновения новой социальной ситуации родительства. Авторы концепции постиндустриального общества [Белл, 2004, Турен, 1986] подчеркивали, что автоматизация и информатизация производства позволят уменьшить долю людей, занятых в промышленности. Соответственно, значительная часть населения переместится в сферу социальных услуг, имеющую развитую инфраструктуру и составляющую основную часть постиндустриальной экономики по числу занятых в ней людей. К ней относятся как сфера обслуживания, так и услуги в сфере образования, культуры, здравоохранения, юриспруденции, финансов. Однако цифровые технологии в сфере социальных услуг также приводят к уменьшению численности занятых в ней работников, поэтому сегодня представители еще недавно востребованных профессий переживают период массовых сокращений и вынуждены искать себя в новых сферах. Развитие цифровой экономики приведет к дальнейшему сокращению рынка труда, росту профессиональной конкуренции, повышению жизненных стандартов.

Естественным следствием этих процессов становится увеличение числа профессионально невостребованных граждан, преимущественно женщин, с одной стороны, и усиление родительской тревоги за будущее своих детей, с другой. Расширяется социальная ниша активного родительства, ценность которой в индустриальном обществе была весьма невысокой. Однако в условиях социально-экономических потрясений постиндустриального общества для многих молодых женщин, имеющих семью и детей, сознательное и активное родительство становится новой сферой приложения сил, знаний, образования. Оно открывает привлекательные возможности для социальной активности и самореализации, а воспитание успешных и самостоятельных детей становится своеобразным вкладом в собственное будущее. Таким образом, целевые установки современных родителей определяются заботой о будущей профессиональной состоятельности и успешности ребенка в конкурентном обществе с желанием дать ему так называемый «хороший старт» [Орлова, 2015].

Еще одной причиной роста родительской активности стали те изменения в социальной политике государства, которые возложили на семью основную ответственность за воспитание и образование детей. Они закрепились в новом Законе об образовании РФ, призывающем родителей создавать для ребенка индивидуальную образовательную среду, которая

в наибольшей степени соответствовала бы его способностям, интересам, семейным возможностям и приоритетам. Сегодня государство гарантирует населению лишь тот бесплатный образовательный минимум, который входит в «пакет» государственной услуги и которого, безусловно, недостаточно для получения по-настоящему качественного образования.

Новые целевые установки семьи делают приоритетными те модели родительства, которые направлены на раннее и интенсивное интеллектуальное развитие ребенка. Представление об особой значимости периода раннего и дошкольного детства для психического развития ребенка прочно вошло в систему социокультурных ценностей современного родительства. Жизнь многих малышей заполнена исключительно полезными развивающими, а чаще всего — обучающими занятиями. Взрослые предлагают ребенку включиться в образовательный процесс задолго до того, как дошкольные виды деятельности исчерпают свой развивающий ресурс. Психологическими исследованиями разных лет убедительно доказано, что только полная реализация всех возможностей дошкольного периода детства приводит к возникновению у ребенка потребности в новых видах познавательной и социальной деятельности. Сегодняшние дети не успевают исчерпать свой дошкольный потенциал, поскольку взрослые предлагают новые источники развития прежде, чем потребность в них возникнет у самого ребенка.

Наблюдаемая родителями и педагогами «развитость» современных детей по сравнению с их сверстниками прежних поколений, выражающаяся, в основном, в умении управляться с гаджетами и ориентироваться в информационных потоках, маскирует реальные искажения в общем психологическом развитии, которые становятся явными с началом систематического школьного обучения. Несмотря на все родительские усилия, поступающие в школу дети демонстрируют невысокий уровень психологической готовности к систематическому обучению, требующему развития не только когнитивной, но и мотивационно-потребностной и волевой сферы [Гуткина, 2007]. Активное участие родителей в образовании, опережающее собственные познавательные потребности ребенка, приводит к формированию «разделенной с матерью учебной мотивации», обладающей слабой побудительной силой и не способствующей развитию познавательной активности и самостоятельности. Раннее включение ребенка в деятельность, требующую произвольного поведения, естественным образом делегирует функцию контроля взрослому, что также замедляет становление самоконтроля и произвольного поведения у будущего школьника.

Поступление ребенка в школу становится для его семьи первым социальным экзаменом на качество семейной социализации, заботы о развитии и воспитании малыша. Родители первоклассников с гипертрофированным вниманием относятся ко всем пожеланиям и замечаниям учителя, стараются максимально полно выполнить все его требования. Они помогают ребенку готовить домашние задания (а иногда и сами что-то делают за него), советуются с другими родителями, стараются наладить личный контакт с учителем ребенка. Активность родителей направлена в первую очередь на создание для ребенка психологически комфортных условий в школе: предупреждение нежелательных ситуаций, связанных с неготовностью к уроку, сглаживание мелких конфликтов и недоразумений с другими детьми и педагогами, поддержание приязненных отношений с учителем. Именно помощь в освоении первых школьных навыков, приобретении опыта социального взаимодействия составляет основное содержание родительской поддержки в период обучения ребенка в начальной школе. Достижимый результат создает иллюзию адекватности такой формы поддержки маленького ученика, поскольку на данном этапе обучения ориентация на взрослого, на задаваемые им способы и приемы учебной работы являются важнейшими условиями школьной успешности.

Однако продуктивность родительского участия в освоении ребенком школьной программы ограничивается непониманием ими сути образовательного процесса на разных ступенях школьного обучения. Так, идеология начального образования определяется задачей научить ребенка учиться: именно на этапе начальной школы должны закладываться основы тех самых универсальных учебных действий, которые необходимы человеку на всех последующих ступенях образования, включая самообразование.

Программа средней школы направлена на освоение школьниками основ научных знаний, формирование научной картины мира, целостного мировоззрения, субъектного отношения к учению. Учебная субъектность предполагает способность и желание ребенка действовать активно и самостоятельно в процессе учебно-познавательной деятельности в соответствии с нормами возрастного развития. Она не возникает сама по себе, по мере освоения учебной программы, ее необходимо воспитывать с самых первых шагов школьного обучения [Цукерман, 2000]. Отсутствие познавательной инициативы является одной из главных причин возникновения так называемой проблемы адаптации к обучению в пятых классах.

Основная трудность для детей, недавно перешедших в среднюю школу, заключается не столько в непривычности организации учебного процесса, сколько в принципиально иной педагогической позиции, с которой

они здесь сталкиваются. Учителя средней школы не будут пошагово разъяснять детям весь учебный материал: определенная его часть предполагает самостоятельную проработку. Возрастает темп урока и объем изучаемого на нем материала, снижается уровень контроля внимания учащихся, усиливается санкционное давление на школьников, не выполняющих задания учителя в полном объеме. Обучение в средней школе предъявляет достаточно высокие требования к личной ответственности и познавательной инициативности детей, способности к установлению партнерских отношений с педагогом, общеучебным и коммуникативным навыкам. В этот период ребенок остро нуждается в помощи и поддержке взрослых, однако эта помощь должна быть направлена не на сохранение любой ценой привычного статуса хорошего ученика, а на переход к иному способу учебной работы.

Столкнувшись с проблемами средней школы, родители пытаются помочь ребенку опробованными прежде и показавшими свою эффективность способами. Они усиливают контроль над приготовлением домашних заданий, пытаются мотивировать наградами, подарками или угрозами, сами оказывают посильную помощь, нанимают репетиторов, пытаются установить личные отношения с педагогами и понять, что же их ребенок делает не так, иногда даже вступают в открытый конфликт с учителем. Однако теперь эти средства приводят лишь к частичному облечению возникающих трудностей, поскольку не решают главной проблемы — неумения учиться осознанно и самостоятельно, проявляя учебную инициативу и способность к познавательному напряжению. Яркой иллюстрацией состояния растерянности родителей может послужить жалоба мамы пятиклассника школьному психологу: «Мне кажется, что мы так тихо-мирно жили, а теперь со всех сторон все не слава Богу».

Как сказывается активное родительство на других сторонах личностного развития детей? Становится ли «разделенное с матерью» детство залогом жизненного успеха в будущем?

3. Особенности взросления современных детей

Избыточная включенность современных родителей в жизнь своих детей препятствует становлению не только их познавательной инициативности и самостоятельности, но и готовности к принятию ответственности за собственные решения и поступки. Психологические, социологические, культурологические исследования свидетельствуют о замедлении процесса взросления детей в экономически развитых странах, появлении своеобразного моратория на взросление практически до 25-летнего возраста.

Предполагается, что такая «медленная стратегия жизни» характерна для малодетных семей, ориентированных на образование и много времени проводящих вместе. Эмоциональная и экономическая поддержка, получаемая детьми в таких семьях, создает зону психологического комфорта, которую они не торопятся покидать. В англоязычных источниках этих молодых людей называют *kid-adult*, то есть «взрослый ребенок». Кстати, авторское право на этот термин можно отдать советскому кинематографу, выпустившему кинокомедию «Взрослые дети» еще в 1961 году, где данный образ был пока еще ироничным и не столько отражал нарождавшееся социальное явление, сколько высмеивал излишне заботливых пожилых родителей.

Профессор психологии Университета Сан-Диего в США Дж. М. Твенг (Jean M. Twenge) приводит сравнительные данные о проявлениях социальной активности подростков за последние 25 лет [Twenge, 2017]. Она обнаружила, что современные подростки все менее охотно принимают ответственность и преимущества взрослой жизни. Отчетливое снижение затронуло основные виды социальной активности, доступной подросткам, включая романтические отношения. Например, только 56 % учеников старшей школы когда-либо были на свидании, в то время как у представителей двух предыдущих поколений этот показатель составлял 85 %. Количество сексуально активных подростков снизилось с 1991 года почти на 40 %, за это же время резко упал и уровень подростковой беременности. Менее привлекательным стал и такой символ свободы американских подростков, как вождение автомобиля. Юноши и девушки 18—20-ти лет считают удобным, что в роли шофера для них выступает родитель, и получают водительские права лишь потому, что родители заставили их это сделать. Количество школьников, подрабатывающих на карманные расходы, снизилось почти вдвое по сравнению с концом 70-х годов прошлого века.

В целом, считает Дж. М. Твенг, независимость от родителей, которая так привлекала подростков конца прошлого столетия, потеряла свою актуальность. Сегодняшние старшеклассники проводят дома значительно больше времени и выходят куда-либо без родителей практически втрое реже, чем их сверстники прошлых лет. Сравнительные статистические данные показывают, что границы детского возраста существенно расширились: по параметрам социальной активности сегодняшние 18-летние ведут себя, как раньше вели себя дети 15 лет, а те, в свою очередь, сравнивались с прежними 13-летними. Одной из важнейших причин замедленного взросления детей XX века автор считает сверхценное отношение

родителей к образованию детей в эпоху информационной экономики, отдающих предпочтение учебным занятиям в ущерб социальной зрелости.

Социокультурным свидетельством распространенности феномена «взрослых детей» в экономически развитых странах стали сленговые названия для такого типа взросления. Н. Н. Толстых, ссылаясь на целый ряд зарубежных исследований, отмечает, что в Италии таких молодых людей называют *bamboccioni* («большие мальчишки-куклы»), в Англии и в США — *sponge* («губка») или *basementdweller* («обитатель подвальных помещений родительского дома»), в Германии — *nesthocker* (слово, образованное от *nest* — «гнездо» и *hock* — «клюка, опора»), иными словами, «птенец, не вылетающий из гнезда» [Толстых, 2015]. Следует оговориться, что в России совместное проживание взрослых детей с родителями не всегда является признаком нежелания взрослеть. Причиной распространенности этого феномена можно считать традиционную приемлемость расширенной семьи и столь же традиционно низкий уровень жизни населения, не позволяющий многим работающим людям обзавестись собственным жильем. Более важным для нас является содержание жизни взрослых детей, живущих вместе с родителями: наличие постоянного дохода, принятие на себя ответственности за родительскую семью и общий дом.

К сожалению, в России пока нет систематических исследований в этой области, однако изучение отдельных сторон развития личности подростков также позволяет говорить об очевидной тенденции к расширению границ детства, снижению инициативности и ответственности молодых людей, замедлении стратегии жизни. Эта тенденция не связана непосредственно с социально-экономическими преобразованиями постсоветского периода, она имеет глобальный характер, отражающий специфику развития постиндустриального общества. Об этом свидетельствуют данные исследований, проводившихся еще в 80-ые годы прошлого века, на которые ссылается К. А. Абульханова-Славская в своей книге «Стратегия жизни» [Абульханова-Славская, 1991]. Так, например, с нарастанием стремления старшего поколения к опеке практически исчезли подростковые игры, связанные с испытанием на смелость, волю, способность преодолевать препятствия. Заметно снизилась инициативность старшеклассников, которая, согласно теориям возрастного развития, активно формируется именно в юности. Предполагается, что причиной этого является избыточная забота матери о ребенке, окружающей его вниманием и неусыпным контролем, готовой не только решать его проблемы, но и жить его жизнью. Вспомним, что именно в конце 60-ых — начале 70-ых годов XX века в СССР начался экономический спад, еще незаметный для населения, но отчетливо ощу-

щавшийся в объемах ВВП. Государство уже не нуждалось в столь многочисленной армии тружеников, возникла так называемая скрытая безработица, при которой формальное присутствие работника на своем месте не приносило никакой экономической выгоды, но зарплату он получал в полном объеме. Этот конфликт экономической нецелесообразности всеобщей занятости и идеологической ценности труда решался преимущественно средствами социальной пропаганды, настойчиво призывавшей женщин вернуться в семью. Активное родительство начало предлагаться в качестве новой модели самореализации женщин, а качественная забота о детях стала признанной социальной ценностью.

4. Родительские сообщества как форма расширения семейной среды

Поиск новых моделей родительства, в большей степени отвечающих требованиям и условиям современного мира, заставляет молодых людей обращаться не столько к опыту и традициям собственной семьи, сколько к практикам, создаваемым их ровесниками. Проведенное нами кросс-культурное изучение образа семьи у российских и американских матерей показало, что родительский опыт старших поколений мало востребован современными матерями. По ответам наших респондентов, только 18,8 % россиянок и 23,1 % американок считают полезным родительский опыт ухода за детьми и их воспитания; изредка просят родительского совета 68,8 % российских и 76,9 % американских мам, а 23,1 % россиянок вообще не обращаются к опыту старшего поколения [Андреева, 2016].

Сегодня молодые семьи оказываются перед практически неконтролируемым потоком самой разнообразной, порой противоречивой информации по вопросам планирования семьи, подготовки к беременности и родам, уходу за детьми, их развитию, воспитанию и обучению. В некоторых случаях подобная информация представляет собой целостную модель родительской практики, как, например, естественное родительство, альфа-родительство, интенсивное родительство. В большинстве своем они являются компиляцией околонуточных и популярных знаний, апеллируют к различным психологическим теориям детского развития, а сторонники и убежденные последователи этих течений распространяют идеи «правильного» родительства через так называемые родительские сообщества.

Родительские сообщества, выросшие из семейных «клубов по интересам», «школ молодых родителей», родительских комитетов, отражают реальную потребность современной семьи в идейной поддержке, в новом опыте воспитания детей и преодоления проблем, с которыми не сталкивались предшествующие поколения. Можно сказать, что в этих сообществах

отрабатываются вариативные модели родительства, заполняющие пустую нишу социального норматива семейного воспитания.

Первые такие сообщества в нашей стране возникли еще в начале 90-х годов прошлого столетия как альтернатива доминировавшей на протяжении советской эпохи идеологии единообразия семейных норм, ценностей и правил. Последовавший за этим постепенный уход государства из сферы семейной политики, переложившего на семью основную ответственность за детей, лишил патерналистски настроенных граждан ориентиров социально желательного, «правильного» варианта воспитания. Стремительные и множественные социально-экономические перемены, к которым оказался неприменим опыт предшествующих поколений, вызвали естественное желание найти опору среди людей, позиционирующих себя в качестве экспертов в решении тех или иных проблем. Ответом на этот социальный запрос и стали первые, сначала очные, родительские сообщества, объединенные какой-либо общей темой: раннее развитие ребенка, водные роды, поддержка детей с отклонениями в развитии.

С развитием информационных технологий, расширением информационного пространства появились сетевые родительские сообщества с их более подвижным, чем в реальных группах, составом участников. Тем не менее родители общаются не только в социальных сетях, они встречаются семьями, организуют совместные мероприятия, детские праздники, обмениваются опытом и делятся «контактами» хороших врачей, психологов, консультантов. Наше исследование показало, что для российских матерей *большим* авторитетом обладают реальные родительские сообщества (к ним обращаются 22 % респондентов, к сетевым — только 3 %), а для американских — реальные и сетевые сообщества равноценны (их мнение считают для себя важным свыше 46 % мам). Возможно, это обусловлено традиционным для нашей культуры предпочтением личного общения, а также низкой информационной компетентностью населения, связанной с исторически более поздним вхождением информационных технологий в повседневную жизнь российских семей.

Таким образом, сегодня родительские сообщества становятся полноправной частью семейной среды, гораздо более авторитетной, нежели прародители и прочие родственники молодых родителей. Наиболее активными приверженцами участия родительских сообществ в жизни семьи оказываются те самые мамы, которые посвятили себя воспитанию ребенка и расценивают это как самореализацию. Однако практика семейного консультирования показывает, что такое расширение семейной среды нередко ведет к искажению супружеских отношений, вытеснению работа-

ющего отца на периферию семейной жизни. Ребенок становится смысловым центром семьи, что противоречит современной тенденции смещения семейных ценностей от детоцентричности к созданию психологически комфортных условий для всех членов семьи. Нарушение внутрисемейного баланса приводит к разрушению ролевых моделей материнства и отцовства, снижает функциональность семьи и ее способность самостоятельно и продуктивно решать жизненные проблемы.

5. Заключение

Семейная среда постиндустриального общества претерпевает значительные изменения, связанные с уменьшением ее количественного и поколенческого состава, ослаблением идеи детоцентризма, поиском новых моделей активного родительства, расширением семейного круга за счет включения в него единомышленников, медленным взрослением детей в комфортных условиях современной семейной среды.

Эти изменения не только отражают новые условия функционирования семьи, но и порождают новые противоречия, которые могут стать основой дальнейших трансформационных процессов. Так, потребность во внутрисемейном равноправии вступает в конфликт с идеей детоцентризма, сохраняющей свою актуальность в качестве смысловой основы активного родительства. В свою очередь модель активного родительства как способ самореализации матерей препятствует развитию инициативности, самостоятельности и ответственности детей, становится причиной их медленного взросления.

Эти противоречия не специфичны для какой-либо одной страны, они имеют глобальный характер и присущи обществу постиндустриальной экономики. Культуру такого общества определяют как префигуративную [Мид, 1988], бурные множественные изменения во всех сферах жизни которой обнаруживают непригодность выработанных предшествующими поколениями моделей поведения. Необратимость исторических процессов делает иллюзорными надежды на решение возникающих проблем старыми, проверенными поколениями способами. Однако сознание людей меняется медленно, поэтому поиск правильных рецептов воспитания и обучения детей зачастую обращен в «сокровищницу» прошлого. Особенно ярко это проявляется в транзитивном состоянии образовательной среды современной российской школы, пытающейся одновременно соответствовать требованиям быстро меняющегося мира и вернуться к традиционным педагогическим моделям и схемам.

Литература

1. *Абульханова-Славская К. А.* Стратегия жизни / К. А. Абульханова-Славская. — Москва : Мысль, 1991. — 299 с.
2. *Андреева А. Д.* Образ семьи и родительства у современных матерей : кросс-культурное исследование / А. Д. Андреева // Теоретическая и экспериментальная психология. — 2016. — Т. 9. — № 2. — С. 17—30.
3. *Антонов А. И.* Динамика населения России в XXI веке и приоритеты демографической политики / А. И. Антонов, В. А. Борисов. — Москва : Ключ, 2006. — 191 с.
4. *Белл Д.* Грядущее постиндустриальное общество : опыт социального прогнозирования / Д. Белл. — Москва : Akademia, 2004. — 944 с.
5. *Гуткина Н. И.* Развитие учебной мотивации учащихся в первых двух классах современной начальной школы (лонгитюдное исследование) / Н. И. Гуткина // Культурно-историческая психология. — 2007. — № 2. — С. 62—74.
6. *Захаров С. В.* Перспективы рождаемости в России : второй демографический переход / С. В. Захаров // Отечественные записки. — 2005. — № 3. — С. 124—140.
7. *Кулешова К. В.* Произвольное прерывание беременности / К. В. Кулешова // Психология эффективного родительства : материалы международной научно-практической конференции. — Курск : КГМУ, 2011. — С. 260—268.
8. *Мид М.* Культура и мир детства. — Москва : Наука. — 1988. — 429 с.
9. *Орлова К. М.* Цели воспитания и образ ребенка у современных родителей : кросс-культурное исследование : автореферат диссертации ... кандидата психологических наук / К. М. Орлова. — Москва, 2015. — 25 с.
10. *Поливанова К. Н.* Современное родительство как предмет исследования / К. Н. Поливанова // Психологическая наука и образование psyedu.ru. — 2015. — Том 7. — № 3. — С. 1—11. — DOI: 10.17759/psyedu.2015070301.
11. *Стрельник Е.* «Жизнь по доктору Комаровскому» : конструирование родительства в советах по уходу за детьми / Е. Стрельник // Laboratorium. — 2015. — 7 (2). — С. 83—105.
12. *Толстых Н. Н.* Современное взросление / Н. Н. Толстых // Консультативная психология и психотерапия. — 2015. — № 4. — С. 7—24.
13. *Турен А.* От обмена к коммуникации: рождение программированного общества / А. Турен // Новая технократическая волна на Западе. — Москва : Прогресс, 1986. — С. 410—430.
14. *Цукерман Г. А.* Как младшие школьники учатся учиться? / Г. А. Цукерман. — Москва — Рига : Педагог. Центр «Эксперимент», 2000. — 224 с.
15. *Twenge Jean M.* Have Smartphones Destroyed a Generation? [Electronic resource] / Jean M. Twenge. — Access mode : <https://www.theatlantic.com/magazine/toc/2017/09/>.

Features of Family Environment of a Child in Post-Industrial Society¹

© **Andreyeva Alla Damirovna (2018)**, orcid.org/0000-0002-1253-8903, SPIN-code 4942-5499, PhD in Psychology, Head of Laboratory of Scientific Bases for Children's Practical Psychology, Psychological Institute of Russian Academy of Education (Moscow, Russia), aldamirovna@yandex.ru.

The problem of transformations undergone by the family environment in the countries of the post-industrial economy is analysed. The most significant highlighted changes are those related to the reduction of quantitative and generational composition of a family, weakening of the idea of child-centrism, search for new models of active parenting, slow growing up of children in the comfort of a modern family environment. The socio-evolutionary nature of changes in the family standard, determined by the level of economic, social and cultural development of society, is emphasized. It is shown that the new social situation of parenthood is determined by fundamental changes in the architecture of socio-economic relations in post-industrial society. It is characterized by two main trends: an increase in the number of unemployed young women seeking self-realization in the field of parenthood, and an active family care for the future of the child in a highly competitive society. The risks of personal development of children associated with the implementation of the model of active parenthood are: reducing the initiative, responsibility and independence of modern adolescents and young men. It is suggested that active parenthood has an impact on the composition of the family environment, which is now determined not only by family ties and relationships, but also by the ideological proximity of its members. Real and networked parent communities not only expand the environment of the modern family, but also work out the variable models of parenthood, filling the empty niche of the social standard of family education.

Key words: family environment; active parenthood; self-realization; personal development; growing up; parental communities.

References

- Abul Khanova-Slavskaya, K. A. (1991). *Strategiya zhizni*. Moskva: Mysl'. (In Russ.).
- Andreyeva, A. D. (2016). *Obraz semyi i roditelstva u sovremennykh materey: kross-kulturnoye issledovaniye. Teoreticheskaya i eksperimentalnaya psikhologiya, 9 (2): 17—30.* (In Russ.).
- Antonov, A. I., Borisov, V. A. (2006). *Dinamika naseleniya Rossii v XXI veke i priority demograficheskoy politiki*. Moskva: Klyuch. (In Russ.).
- Bell, D. (2004). *Gryadushcheye postindustrialnoye obshchestvo: opyt sotsialnogo prognozirovaniya*. Moskva: Akademia. (In Russ.).
- Gutkina, N. I. (2007). *Razvitiye uchebnoy motivatsii uchashchikhsya v pervykh dvukh klassakh sovremennoy nachalnoy shkoly (longitudinalnoye issledovaniye). Kulturno-istoricheskaya psikhologiya, 2: 62—74.* (In Russ.).

1 The study is financially supported by RFBR. Project No. 17-06-00036 "The image of childhood in modern parents as a factor in choosing the form of education of a child".

- Kuleshova, K. V. (2011). Proizvolnoye preryvaniye beremennosti. In: *Psikhologiya effektivnogo roditelstva: materialy mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii*. Kursk: KGMU. 260—268. (In Russ.).
- Mid, M. (1988). *Kultura i mir detstva*. Moskva: Nauka. (In Russ.).
- Orlova, K. M. (2015). *Tseli vospitaniya i obraz rebenka u sovremennykh roditeley: kross-kulturnoye issledovaniye: avtoreferat dissertatsii ... kandidata psikhologicheskikh nauk*. Moskva. (In Russ.).
- Polivanova, K. N. (2015). Sovremennoye roditelstvo kak predmet issledovaniya. *Psikhologicheskaya nauka i obrazovaniye psyedu.ru*, 7 (3): 1—11. DOI: 10.17759/psyedu.2015070301. (In Russ.).
- Strelnik, E. (2015). «Zhizn' po doktoru Komarovskomu»: konstruirovaniye roditelstva v sovetakh po ukhodu za det'mi. *Laboratorium*, 7 (2), 83—105. (In Russ.).
- Tolstykh, N. N. (2015). Sovremennoye vzrosleniye. *Konsultativnaya psikhologiya i psikhoterapiya*, 4: 7—24. (In Russ.).
- Tsukerman, G. A. (2000). Kak mladshiye shkolniki uchatsya uchitsya?. Moskva — Riga: Pedagog. Tsentr «Eksperiment». (In Russ.).
- Turen, A. (1986). Ot obmena k kommunikatsii: rozhdeniye programmirovannogo obshchestva. In: *Novaya tekhnokraticeskaya volna na Zapade*. Moskva: Progress. 410—430. (In Russ.).
- Twenge, Jean M. (2017). *Have Smartphones Destroyed a Generation?* Available at: <https://www.theatlantic.com/magazine/toc/2017/09/>.
- Zakharov, S. V. (2005). Perspektivy rozhdamosti v Rossii: vtoroy demograficheskiy perekhod. *Otechestvennye zapiski*, 3: 124—140. (In Russ.).